

В. П. АНИКИН

ИСТОРИКО-ФОЛЬКЛОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. В. МАРКОВА

1

Об Алексее Владимировиче Маркове в последние годы пишут преимущественно как о собирателе фольклора, хотя его исследовательская работа не менее значительна. При жизни (1877—1917)¹ А. В. Маркова было опубликовано много его исследований. Но еще больше материалов, во много раз превосходящих то, что появилось в печати, хранится в архиве в виде набросков, планов, черновых редакций, оставшихся в стадии подготовки. Все это научное наследие ученого достойно внимательного изучения.

Марков был разносторонним ученым. Какой бы области знаний он ни касался, он всюду достигал значительных результатов, и из-под его пера не вышло ни одной поверхностной работы.

Чтобы судить о том, как обширны были его познания, достаточно перечислить области науки, в которых он успешно работал. Прежде всего, это — фольклористика: русский эпос и его истории², календарная обрядовая поэзия и лирические песни³; затем — мифология древних славян и связь славянских языческих культов с культурами классических и восточных народов⁴; этнография, в особенности этнография Русского Севера⁵; древнерусская литература — история апокрифов и отреченных книг⁶; рус-

¹ Необходимо исправить весьма распространенную ошибку в дате смерти А. В. Маркова. Он скончался не в 1918 г., а 31 августа 1917 г.

² «Бытовые черты русских былин» (отдельный оттиск из ЭО за 1903 г. М., 1904); «Из истории русского былевого эпоса» (отдельные оттиски из ЭО за 1904—1906 гг.: вып. I. М., 1905; вып. II. М., 1906). «К вопросу о методе исследования былин» (ЭО, 1907, № 1—2). «Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности» (отдельный оттиск из «Изв. ОРЯС», т. XIX—XXI. Пг., 1916) и многочисленные другие работы.

³ «Что такое Овсень?» (ЭО, 1904, № 4), «О методе изучения загадок» (ЭО, 1909, № 4), «Чулковский песенник и его значение для великорусских народных песен» (отдельный оттиск из «Изв. ОРЯС», т. XXII. Пг., 1918) и др.

⁴ См. рец. на книгу: Л. Леже. Славянская мифология. Воронеж, 1908 (ЭО, 1908, № 3); «Яга» (рукопись). ГБЛ, рукоп. отд., архив А. В. Маркова, ф. 160, п. 16, № 10 (далее — Архив А. В. Маркова, с указанием папки и номера единицы хранения); «Печто о связи славянских дохристианских культов с культурами классических и восточных народов» (неоконченная рукопись, 1905 г.). Архив А. В. Маркова, п. 8, № 10 и др.

⁵ Работы Маркова в этой области остались неопубликованными; см., например: Архив А. В. Маркова, п. 9, № 2. В 1898 г., в пору обучения в Московском университете, Марков подготовил исследование «Жизнь русских крестьян на Севере».

⁶ «Остатки фетишизма в легендах об иконах святых» (ЭО, 1907, № 3), «Море Тиверидское в дуалистической легенде о сотворении мира» (ЭО, 1913, № 1—2). «Определение хронологии русских духовных стихов» («Богословский вестник», 1910, кн. 6—9), «Повесть о Горе-Злочастии» (отдельный оттиск из «Живой старины». СПб., 1913), «Родина паломника Арсения Селунского» («Русский филологический вестник», 1914, № 2; 1915, № 2) и др.

ское летописание⁷; русская литература XVIII—XIX вв.⁸; история русского языка — историческая лексикография и диалектология⁹; история русского изобразительного искусства, архитектуры¹⁰; наконец, финно-угорская историческая география и этнография¹¹.

Работы, написанные Марковым, всегда были новы по проблематике, основным концепциям и характеру предлагаемых решений. Между тем, он вошел в историю науки об изучении фольклора всего лишь как последователь своего учителя Всеволода Федоровича Миллера. В известном смысле это справедливо. О тесной связи деятельности Маркова с изысканиями Миллера существует большое число свидетельств, исходящих как от Миллера, так и от Маркова. «Мне приятно, как старому профессору,— писал Миллер в предисловии к «Беломорским былинам»,— видеть в г. Маркове одного из даровитейших моих учеников и продолжателя предпринятых мною работ по детальной разработке вопросов русской эпической старины»¹². «Все мои работы,— писал в свою очередь Марков о Миллере,— тесно связаны с работами покойного... Наука так идейно нас соединила, что образовалась пустота, которую никто и ничто не может заполнить»¹³. Мнение о зависимости научных исследований Маркова от трудов Миллера опирается и на свидетельства современников¹⁴. Тем не менее, различие взглядов Маркова и Миллера — неоспоримо, хотя несомненна и общность некоторых их исходных положений. Оба они ясно осознавали свое расхождение во взглядах. 3 февраля 1908 г. Миллер писал Маркову: «Вас, как будто, задела моя шутка, что Вы мой постоянный оппонент. Но это, конечно, было сказано не в осуждение: я никогда не страдал излишним ученым самолюбием и не считал своих догадок непреложными»¹⁵. В начале марта 1910 г. Марков выступил в заседании Славянской комиссии

⁷ «Один из случаев литературного вымысла в московском летописании» (рукопись, помеченная 8 января 1912 г.). Архив А. В. Маркова, п. 1, № 14; «Повесть временных лет и Софийский временник» (рукопись). Там же, п. 1, № 6 (частично использована для статьи «К вопросу о составе I Новгородской летописи») и др.

⁸ На Высших женских курсах в Тифлисе А. В. Марков читал курс по истории русской словесности. В «Известиях Тифлиссских Высших женских курсов» за 1914 г. была напечатана составленная им «Программа и темы работ по истории русского языка и словесности». Местная газета «Кавказ» опубликовала статью Маркова о Пушкине и, вероятно, речь «О национальном значении русской литературы». Все публикации Маркова в этой газете еще не выявлены.

⁹ А. В. Марков состоял членом Московской диалектологической комиссии, созданной в 1903 г. из кружка А. Д. Григорьева (см.: «Русский филологический вестник», 1914, № 2, стр. 422). В числе докладов, прочитанных Марковым в 1904—1913 гг., были: «О говоре с. Зимней Золотицы Архангельской губ.», «О говорах Стародубского у. Черниговской губ.», «О говоре с. Верхней Тоймы Сольвычегодского у. Вологодской губ.», «Область великорусского наречия и область финно-угорских топографических названий», «О хрестоматии по великорусской диалектологии Дурново и Ушакова» и др. В архиве Маркова хранятся незаконченная рукопись — «Отзыв о статье М. А. Колосова», «Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия», (п. 1, № 16) и другие работы по диалектологии.

¹⁰ «Художественное наследие Великого Новгорода» (рукопись). Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7 и др.

¹¹ «К вопросу об источниках древних сведений об инородцах Северной России» (ЭО, 1908, № 3), «Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии...» (отдельный отгиск из «Известий Тифлиссских Высших женских курсов», кн. I, Тифлис, 1914) и др.

¹² «Беломорские былины, записанные А. В. Марковым, с предисловием проф. В. Ф. Миллера». М., 1901, стр. IX.

¹³ Письмо А. В. Маркова к Е. П. Миллер по поводу кончины В. Ф. Миллера (ЭО, 1913, № 3—4, стр. 186).

¹⁴ В письме Маркову Б. М. Соколов писал о смерти Миллера: «Вполне понимаю, как тяжела эта утрата Вам, его непосредственному и любимому ученику» (Архив А. В. Маркова, п. 4, № 266).

¹⁵ Архив А. В. Маркова, п. 4, № 149.

Московского археологического общества с докладом, в котором резко отрицательно отозвался о втором томе «Очерков» Миллера по русской народной словесности¹⁶. Только недостаток места в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» помешал Маркову опубликовать этот большой критический разбор труда Миллера¹⁷.

Расхождения А. В. Маркова с В. Ф. Миллером были широко известны в кругу ученых. Еще при жизни Миллера товарищество «Мир» задумало издать трехтомную историю русской литературы. Один из томов предполагалось посвятить народному творчеству. Миллер предложил Маркову написать главы о духовных стихах и пословицах. После смерти Миллера А. Е. Грузинский, встав во главе издания, просил Маркова написать главу о былинах. Однако он счел нужным особо оговорить, что на всем издании лежит печать замысла Миллера и что «какое-нибудь крупное полемизирование было бы затруднительным или потребовало бы особых забот во избежание диссонанса... Судя по тому, что мне известно, я не предполагаю, чтобы Ваши научные разногласия с Миллером делали неизбежным нежелательный диссонанс или вынуждали подчеркивания»¹⁸.

О разногласиях Маркова с Миллером говорится и в историографических работах. Ю. М. Соколов охарактеризовал их как расхождения «в отдельных частных вопросах». «...Например,— пишет он,— Марков отстаивал мысль, что былины слагались в сравнительно раннее время — главным образом в эпоху татарщины...»¹⁹. Это не совсем точно: Марков защищал взгляд, согласно которому былины уже к XII—XIV вв. приобрели вид, доступный реконструкции на основе записей XIX—XX вв., Миллер же относил время завершающегося формирования русского былевого эпоса к XVI—XVII вв. Соответственно, каждый из ученых по-своему определял и место сложения былин. Марков усматривал в большей их части определяющее влияние творчества северной Новгородской земли, между тем как Миллер связывал окончательное формирование эпоса с Московским централизованным государством. Это расхождение во взглядах не носит «частного» характера и основывается на различии в методе исследования, а также в некоторых исходных позициях Миллера и Маркова.

В. И. Чичеров отверг мнение Ю. М. Соколова о единстве метода и общности исходных позиций Маркова и Миллера. Чичеров отделил А. В. Маркова, а также Н. В. Васильева, братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых и некоторых других исследователей прогрессивного, «левого» крыла исторической школы от ученых, представлявших ее реакционное, «правое» крыло — В. А. Келтуялы и С. К. Шамбинаго²⁰. Не ставя здесь себе целью уяснить, насколько был прав Чичеров, укажем лишь, что он верно усмотрел в научных спорах начала XX в. косвенное влияние революционных событий. «Подъем революционного движения не мог не отразиться на научно-исследовательской работе», — писал он²¹. Справедливость этих слов подтверждается всей научной деятельностью Маркова.

¹⁶ Часть рукописи этого отзыва хранится в Архиве А. В. Маркова (п. 2, № 8). Частично использована для печатного «Обзора трудов В. Ф. Миллера по народной словесности».

¹⁷ Редактор «Известий» А. А. Шахматов писал Маркову: «Рецензию на книгу В. Ф. Миллера поместили бы с удовольствием, если бы она не превышала 2-х листов» (письмо от 6 марта 1910 г. Архив А. В. Маркова, п. 4, № 235).

¹⁸ Письмо от 13 января 1914 г. Архив А. В. Маркова, п. 4, № 413.

¹⁹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 90.

²⁰ В. И. Чичеров. Русское народное творчество. М., 1959, стр. 97 и сл. Ср.: Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 90.

²¹ В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 96.

В настоящей работе предпринята попытка вскрыть социально-политические основания научных споров Маркова с Миллером по такому центральному пункту их концепций, как решение вопроса о месте и времени сложения русских былин. Расхождение взглядов Маркова и Миллера затрагивает основы их концепций, и исследование этого расхождения непосредственно подводит к анализу метода и разъяснению некоторых важных исходных позиций ученых.

Марков предстает перед нами как ученый, чья историко-фольклорная концепция, романтизирующая Великий Новгород и его общественно-политические порядки, в свое время являлась своеобразной защитой демократических идей. С этой защитой и связана полемика Маркова с его учителем. После 1905 г. в научных взглядах Миллера появились те тенденции, которые не мог принять Марков, захваченный идеями революции. К этому времени Миллер стал признавать за Московской Русью XVI—XVII вв. значение положительного фактора в развитии русского эпоса, не отделяя при этом судеб эпоса от политики русской государственности.

Правильное понимание взаимоотношений Маркова с Миллером станет возможным, если брать их взгляды в разных стадиях развития. Одно дело — ученичество Маркова, и другое — пора его научной зрелости, по которой только и можно судить о воззрениях ученого в целом.

2

Добросовестный и в высшей степени профессионально подготовленный собиратель беломорских былин начал записывать фольклор задолго до лета 1899 г. Сборник «Беломорские былины», принесший Маркову широкую известность, в значительной степени заслонил раннюю собирательскую работу ученого. Между тем, сам он пользовался ранними записями для обоснования разнообразных научных выводов вплоть до своей последней работы, опубликованной в 1917 г.²²

Первые записи Маркова относятся к 1892—1894 гг., когда он еще учился в Первой московской гимназии. Среди разных песен, собранных в этот ранний период, в архиве Маркова хранится художественно полноценный вариант песни «Как у бабушки козелок» с пометкой: «Записано мною в 1894 г. от раскольницы поповщинского толка, дер. Костомарова, Колом. у. Моск. губ.»²³ Вместе с другими записями эта песня составила первый небольшой фольклорный сборник Маркова²⁴. Молодой собиратель отослал рукопись П. А. Бессонову, считавшемуся знатоком детского фольклора. Судя по письму, относящемуся к концу декабря 1897 г., Марков дорожил своим первым собранием песен и с легко угадываемой тревогой писал Бессонову: «Многоуважаемый г-н профессор Петр Алексеевич! Давно уже я послал Вам записанные мною детские песни²⁵ (по своей беспечности под бандеролью), и до сих пор не знаю, получили ли Вы мою рукопись. Правда, я не придаю большой ценности своим песням, которые большей частью представляют варианты уже напечатанных текстов; но

²² См., например, ссылку А. В. Маркова на свою запись песни «Полоса ль, моя полосынька» в Зарайском уезде Рязанской губернии в 1893 г. в статье: «Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен», стр. 24 и др.

²³ Архив А. В. Маркова, п. 11, № 3.

²⁴ Недавно целиком опубликована П. Д. Уховым: «Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 годах» («Вестник Московского университета», 1961, № 4, 5).

²⁵ Указание самого А. В. Маркова на то, что песни собраны им в течение 1892—1896 гг., и дата письма позволяют заключить, что сборник составлен в 1897 г., может быть — в конце 1896 г.

все-таки мне было бы неприятно, если бы они пропали»²⁶. Марков сетует в письме на «равнодушные глубинки» к судьбам «нашей молодой науки — народной словесности». «...Громадные собрания памятников народного творчества остаются в рукописях, не находя себе издателей»²⁷, — жалуется он. В том же письме Марков сообщает Бессонову, что помогал В. В. Пасхалову составлять опись всех рукописей собрания П. В. Гиреевского в Румянцевском музее. Из письма перед нами встает живой облик студента Маркова, с головой ушедшего в собирательскую работу и изучение архивов.

Из своих поездок Марков вынес глубокое знание фольклора и народа. Так, собиратель внес в записи для себя интересные пословицы и поговорки, полные едкой социальной проиции: «Пошьем, поживем за этим царем, а (за тем) там — что бог даст» (Рязанская губ., Зарайский уезд), «Турки валяются, как чурки, а наши стоят да без голов» (записано там же), «У нищего нищий ничего не ищет» (там же), «Помолиться — голова не свалится» (Московская губ., Коломенский уезд), «Без хвоста и пава не красна» (там же), «Не нашему носу рябину клевать: она — ягода нежная» (там же) и др. Некоторые из пословиц и поговорок сопровождаются примечаниями собирателя: «Поверх земли не оставят. Так говорят мужики, утешая себя, что, как они ни бедны, найдется человек, чтобы похоронить их» (записано в Тверской губ.)²⁸.

С 1896 г. «Этнографическое обозрение» начинает публиковать тексты, записанные Марковым. Этими публикациями молодой исследователь обратил на себя внимание крупных ученых и собирателей. Его материалами пользовался А. И. Соболевский. П. В. Шейн поместил часть детских песен Маркова в своем «Великорусе». Происходит знакомство с Миллером. Марков всегда считал эту встречу «выдающимся обстоятельством» своей жизни. Он признавался, что Миллер «отвратил» его от исследований в духе мифологического истолкования фольклора и дал «строго научный критерий в отношении к фактам»²⁹. Усвоение взглядов Миллера определило и характер последующей собирательской деятельности Маркова.

Изучение географического распространения былины привело В. Ф. Миллера к мысли, что источник олопецкой былинной традиции надо искать в древней Новгородской земле. Сравнение олопецких былин с остатками былин, записанных в других, южных, областях России, утвердило Миллера в мнении, что уже в XV—XVI столетиях не все русские области былины в одинаковой степени богаты песнями о богатырях, не все эпические сюжеты и герои были известны в южных, центральных и приволжских областях. «Главным очагом былинного творчества, — писал Миллер в 1897 г., — нам представляются северо-западные части северной половины России — места, наиболее подчиненные древненовгородскому культурному влиянию»³⁰. Эта мысль, по точной характеристике Маркова, «определила направление работы В. Ф. Миллера» в исследовании конкретных сюжетов былин³¹. Она определила также и направление как собирательской, так и исследовательской работы самого Маркова.

²⁶ Архив А. В. Маркова, п. 4, № 95. Это черновик письма.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, п. 11, № 5.

²⁹ «Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете». М., 1911, стр. 183. Библиографическая справка, помещенная здесь, основана на «собственных... показаниях» Маркова (см. стр. 1).

³⁰ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. т. I. М., 1897, стр. 93—94.

³¹ А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности, стр. 26.

В 1899 г. Миллер публикует первые записи былин, произведенные его учеником на Севере³², а через два года появляется сборник «Беломорские былины», который Миллер поставил по качеству собранных в них текстов выше всех существующих, не исключая и сборника А. Ф. Гильфердинга³³. Собирательскую работу на Севере Марков вел по глубоко обдуманному плану. Самый факт записи былин в Архангельской губернии он рассматривал как доказательство значения новгородского очага былинного творчества в распространении эпоса по всему Северу и Сибири — во всех местах, которые некогда составляли древнюю Новгородскую землю со всеми находящимися под ее политическим и культурным влиянием окраинами, а также там, где селились выходцы с Севера и из новгородских земель.

Интересны письма Маркова к родным, посланные во время поездок по Северу. Собиратель просил сохранить эти письма: он видел в них документальные свидетельства, имеющие ценность непосредственных наблюдений над бытом, нравами, обычаями архангельских крестьян. Собиратель предпринял всестороннее этнографическое обследование их жизни. В письме от 19 июня 1899 г. он пишет: «Вот уже восемь дней я живу все в Нижней Золотице, а запас былин у здешних сказителей еще не истощается, хотя я пишу с утра до вечера, до полного истощения сил. Записал я 29 былин, но осталось еще гораздо больше... Бумагу, взятую из Москвы, всю истратил и здесь купил еще 30 листов; но и этого, вероятно, не хватит, если только не разболится у меня мозоль, которую я успел натереть на третьем пальце»³⁴. «...Все пишу, пишу и пишу, — сообщает он матери в письме от 27 июня 1899 г., — былины, письма себе (т. е. своей семье. — В. А.) и другим, записываю говор крестьян, их рассказы об ужасных зимних промыслах, об нынешних временах и обо всех досюлешних. В 8 дней исписал 8 тетрадей. От утомления иногда никак не могу уснуть. Зато уж и былин же я вывезу отсюда — на 2 больших тома хватит! Прощай, моя милая мамаша! Ложусь спать: завтра в 6 часов утра с прибылой водой в реке (прилив начинается утром рано) отправляюсь в Верхнюю Золотицу... Любящий тебя старьевщик (от слова: старина — былина)»³⁵.

Из записей, сделанных в другое время, но тоже на Севере, в Олонецкой губернии, мы видим, как внимателен был Марков ко всему, что наблюдал во время поездок. Он описывает строение изб, делает заметки о местном говоре, о костюмах, характеризует нравы, перечисляет обычаи и обряды. Вот некоторые из этих наблюдений: «Из бересты делают ведра, бураки, лапти; гонят деготь. Бороны делают очень просто: откальвают от бревна горбыль с сучками и прутьями и соединяют вместе несколько горбылей, сучьями в одну сторону: они составляют зубья длиной более 1/2 арш.»; «...Новины секут: лес насекут, а на след[ующее] лето зажгут. Рубят лес и сплавают по Вохтомице в Онегу, откуда он идет за море, в Англию»; «У ключей и ручьев везде лежат ковшики (корцы), очень просто сделанные из бересты с воткнутой в нее палкой»; «Женщины говорят ужасно быстро, конец каждого возгласа оттягивают»; «Обращения: красное солнццо! красное золотцо! свицонька светлая! ругательства: змей лютой!». «Нет ни Коляды, ни Овсеня, обрядов, кроме: есть ряженье, особенно покойником (в белое), гаданье (слушанье), причеты, игра в горелки. Детей родят, где придется. Леший, водяной. Нет колыбельных песен...»³⁶.

³² См.: «Изв. ОРЯС», т. IV, кн. 2, стр. 661—725.

³³ См.: «Беломорские былины...», стр. IX—X.

³⁴ Архив А. В. Маркова. п. 4, № 90.

³⁵ Там же, № 82.

³⁶ Отдельные «полевые» записи. Архив А. В. Маркова, п. 7, № 2.

Внимание Маркова останавливало все, что могло помочь исторически осмыслить судьбы русского эпоса. Он сопоставлял свидетельства о древнем Новгороде с жизнью северных крестьян, социально-бытовые черты русских былин с тем, что видел у крестьян, и приходил к выводу об исключительной связи былинной поэзии с Севером. Таково характерное сопоставление прозвища князя Владимира — «Красное солнышко» с обычным ласковым обращением на Севере, сравнение некоторых наблюдений Маркова над нравами северных крестьян с типичными картинами семейных отношений, рисуемых былинами, и проч.

Однако в Маркове говорил не только историк. На Север приехал оптимистически настроенный к властям человек. Весной, перед летней поездкой на Север Марков сдал свою студенческую работу «Историография о Петре Великом». Здесь среди разных соображений Марков высказался против монархической концепции «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, сопоставляя ее с некоторыми сторонами труда С. М. Соловьева «История России»: «Если философские (зачеркнуто «исторические» — В. А.) основы хода русской истории у Соловьева мы сопоставим с узкою тенденциею истории Карамзина — доказать благодетельность исконного русского самодержавия, то нам понятно будет громадное превосходство «исторического направления», как назвал свои теории сам Соловьев, над патристическою риторикой и наивными идеями (зачеркнуто «наивным провиденциализмом». — В. А.) Карамзина»³⁷. В Маркове зрела мысль о необходимости важных социальных и политических изменений в России. Характерно, что студенту Маркову подарил свою статью историк М. М. Богословский. Статья называлась «Несколько слов об одном проекте реформ XVI в.»³⁸ М. М. Богословский осветил в своей статье извлеченный из архивов проект социальных реформ в пользу закрепощенных крестьян Пековщины. Внимательно прочитав статью, Марков отчеркнул те места, которые говорят об авторе средневекового проекта как противнике притеснения крестьян, какого до той поры севернорусские земли не знали — «а сего не вдыхомъ».

Поездки на Север были очень важны для исканий Маркова. Из поездок собиратель вернулся, убежденный в твердости свободолюбивых стремлений северных крестьян. Он объяснял эти качества тем, что северные крестьяне — потомки вольных новгородцев. Идеалы свободы и жажду социальной справедливости ученый ясно видел и в русском эпосе. «Если приглядеться к крестьянину Зимнего берега, — писал он в 1901 г., — то окажется, что ему должен быть понятен тип независимого эпического богатыря, так как он ни перед кем не чувствует себя рабом»³⁹.

Северные крестьяне были для Маркова историческими преемниками вольных обычаев, гражданских порядков и культуры древней новгородской Руси. «Новгородская» концепция Миллера потому и импонировала Маркову, что он сочувствовал идеям свободы, равенства, был противником социального и нравственного унижения народа. В эпохе Великого Новгорода с его богатой и своеобразной севернорусской культурой Марков видел время расцвета высокого эпического искусства. По глубокому убеждению ученого, Новгород оказал на развитие эпоса определяющее влияние. Север внес в состав русских эпических песен ряд важных тем, сюжетов, образов. Став в раннем средневековье оплотом и средоточием севернорус-

³⁷ Студенческая работа, тетрадь 2-я, помечена 8 марта 1899 г. Архив А. В. Маркова, п. 9, № 10, стр. 33.

³⁸ Отдельный оттиск из Трудов археологической комиссии Московского археологического общества (М., 1898). Экземпляр с дарственной надписью приобретен автором данной статьи и хранится в его библиотеке.

³⁹ «Беломорские былины...», стр. 11—12.

ской культуры, Новгород подверг киевские былины столь серьезной переработке, что они приобрели ту характерную северную окраску, которую сохранили и в поздних записях XIX—XX вв. Необходимо говорить, считал он, о северной новгородской «редакции» общерусского эпоса.

Интересна дальнейшая эволюция этого взгляда в работах Маркова. Он развивал «новгородскую» концепцию, находя все новые и новые факты для ее обоснования. В связи с обостренным революционным кризисом в стране развитие этой концепции приобрело у него острый политический характер, что сказалось в его подчеркнута социологическом методе исследования былины.

3

В конце 1900 г. Марков представил в качестве дипломной студенческой работы исследование об историко-бытовых чертах русских былин. Кажется бы, эта работа ничем не предвещает будущих разногласий ученика с учителем. В архиве Маркова хранится заглавный лист исследования с надписью: «Признаю сочинение А. Маркова весьма удовлетворительным. Обыкновенный профессор Всеволод Миллер. 29 ноября 1900 года»⁴⁰. Это исследование появилось в «Этнографическом обозрении», редактируемом Миллером, под названием «Бытовые черты русских былин»⁴¹; между тем первоначально оно называлось: «Исторические черты русских былин». Новое название затушевало отличие взглядов ученика от воззрений учителя, а ведь именно эту первую работу сам Марков считал началом своих расхождений с Миллером. Среди бумаг, относящихся ко времени, близкому к публикации «Бытовых черт русских былин», в архиве сохранилась весьма любопытная запись, говорящая о том, что молодой Марков рассматривал свою деятельность в преемственной связи с деятельностью Миллера и других ученых, но одновременно отстаивал и свое особое направление. Вот эта запись:

«Течения в изучении былин:

1. Мифологическое 40—60 гг.
2. Историко-литературное 60—80 гг.
3. Историко-бытовое 90—900 гг.
4. Д[олжно] б[ыть] историко-социологическое со ст[атьи] «И[бытовые] ч[ерты] р[усских] б[ылины]» 1904

представители:

- Буслаев (+2 п 3)
 Акад. Веселовский.
 В. Ф. Миллер (+ 2)
 А. В. Марков (+3)⁴².

Марков стремился к развитию нового «историко-социологического» направления в исследовании эпического творчества. Еще многое связывало его с методом Миллера, но расхождения с учителем становились все определеннее. Прошло всего несколько месяцев, и Марков нашел необходимым открыто высказать неудовлетворение исследовательским методом Миллера в статье «К вопросу о методе исследования былин» в 1907 г.

«Наука,— писал А. В. Марков,— в своем развитии переживает такие периоды, когда вновь пересматриваются и отбрасываются положения, считавшиеся раньше несомненными, когда над добытыми ответами вновь ставятся вопросительные знаки. В одном из таких периодов находится в

⁴⁰ Архив А. В. Маркова, л. 2, № 1.

⁴¹ А. В. Марков. Бытовые черты русских былин. ЭО, 1903, № 3, 4.

⁴² Архив А. В. Маркова, л. 7, № 4. Знаки сложения — плюсы в рукописи означают число видных сторонников течения.

настоящее время исследование русских былин. Мифологическая экзегеза решительно устранена; теория заимствований не удовлетворяет даже самих ее провозвестников; историческая теория пока разрешила лишь немногие вопросы, связанные с изучением былин, причем многие из этих вопросов не могут считаться решенными с достаточной основательностью. Итак, ни одна теория пока не выяснила историю русского былевого эпоса, а все вместе они породили целый ряд противоречивых толкований и гипотез, часто затемняющих для неспециалистов многие вопросы, связанные с изучением былин». Он декламирует далее «пересмотр тех руководящих начал, от которых отправляются исследователи русских былин»⁴³.

Из этих суждений со всей очевидностью следует, что Марков ищет новый метод исследования былин. О первом томе «Очерков» В. Ф. Миллера Марков отозвался в той же статье 1907 г.: «В книге впервые широко поставлены вопросы о среде слагателей и распространителей былин, о районе их бытования и о делении их по характеру на два отдела: эпос городской и эпос богатырский». Далее он пишет: «Делением былин на городские и богатырские проф. Миллер наметил вопрос о социальном положении слагателей былин, но в очерке «Русская былина, ее слагатели и исполнители», специально посвященном авторам былин, он обращает внимание не столько на социальную среду, выдвигавшую певцов, сколько на их профессиональную окраску»⁴⁴. В особенности ценным Марков считал анализ былин о Чуриле, Соловье Будимировиче и Хотене: в них «профессор Миллер находит отражение взглядов городского новгородского общества определенной эпохи»⁴⁵. «Эти указания профессора Миллера на взгляды и интересы слагателей былин, — продолжал Марков, — я считаю очень важными... Только с этой точки зрения может быть решен вопрос о месте и времени происхождения былин. Конечно, изучение былин с внешней бытовой стороны дает важные данные для решения этого вопроса, но окончательно он может быть решен лишь тогда, когда выяснятся взгляды, интересы и стремления среды, создавшей былинны»⁴⁶.

Неудовлетворенность изучением былин лишь со стороны выявленных в них особенностей древнерусского быта высказывалась Марковым и раньше — в первом его крупном исследовании «Бытовые черты русских былин»⁴⁷. Теперь он считает бытовой анализ лишь начальной стадией в историческом осмыслении эпоса. Более глубокое изучение истории былин должно основываться на выяснении их идейной природы.

Марков критикует также метод, к которому все чаще стал прибегать его учитель, — сближение былинных имен и прозвищ с летописными именами, при котором оставались в стороне сюжеты, несущие в себе важнейшие начала идейно-социального содержания эпического произведения. Отметим, что и сам Марков пользовался толкованием имен, их сопоставлением, но он никогда не рассматривал их как основной аргумент в научных доказательствах. Есть одна запись, проясняющая смысл его метода пользоваться сопоставлением имен по разным историческим источникам: «Свои отправные точки зрения, — пишет Марков, — я изложил в брошюре о методе исследования былин»⁴⁸. В мелких статьях я сосредоточил свое

⁴³ А. В. Марков. К вопросу о методе исследования былин. ЭО, 1907, № 1—2, стр. 24.

⁴⁴ Там же, стр. 35.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 36.

⁴⁷ См.: А. В. Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 38, 75 и др.

⁴⁸ А. В. Марков имеет в виду статью «К вопросу о методе исследования былин», ее отдельный оттиск — «брошюре».

внимание на объяснении собств[енных] названий в былинах⁴⁹. Многим показалась смешной моя мысль строить выводы на именах. Но я и до с[ей] и[оры] считаю такую работу плодотворной, та^к как она есть первая ступень к уяснению наших былин. Свои *via desideria* (т. е. благие пожелания, минимум.— В. А.) я излагаю в указанной брошюре. И еще: «Имена — вехи, столь же необходимые в научном исследовании, как вехи, которые ставят инженеры при прокладывании новых дорог. Мелочные исследования возможно соединять с широким умственным горизонтом»⁵⁰.

В последнем замечании так же, как и во всей статье «К вопросу о методе исследования былин», Марков настаивает на изучении идейной стороны эпоса. Только при этом анализ имен имеет смысл. Мы будем иметь случай убедиться в последовательности ученого: своей работе о художественном наследии Великого Новгорода он дал «методологический» подзаголовок (снятый впоследствии) «Идейные отношения литературных произведений»⁵¹. Основа анализа — выяснение идеи эпического произведения, зависящей от социальной среды, его породившей.

Желание понять социальную природу эпоса заставило Маркова предложить новые основания для классификации былин вместо географического их прикрепления: «...Мне представляется, — писал он, — более точным деление, в основу которого были бы положены те черты характера былин, которые указывают на классовые взгляды и интересы»⁵². В связи с этим Марков снова вспоминает свою первую работу и считает важным подчеркнуть, что уже тогда он говорил о существовании дружинного и княжеского эпоса, купеческого и городского — у «посадских мужиков»⁵³. Ссылаясь на свою статью о Добрыне-змейборце⁵⁴, Марков пишет о значительной «роли людей, близких к церкви, в особенности паломников-калик, в деле сложения былин»⁵⁵. И вот вывод: «Вопросу о среде я придаю большое значение потому, что выяснение его необходимо для правильного взгляда на идейную сторону нашего эпоса. Для меня несомненно, что он отражает классовые взгляды, понятия, симпатии и антипатии, без определения которых история его будет неполной и неясной. С точки зрения социальной психологии, быть может, удастся разрешить такие вопросы, которые были камнем преткновения для многих исследователей». Заканчивая статью, Марков настойчиво повторяет: «Я думаю, что на первой очереди стоит теперь исследование идейной стороны былин с точки зрения классовой психологии»⁵⁶.

Этих выдержек из статьи 1907 г. достаточно, чтобы представить себе, чем сам Марков отличал свой подход к исследованию былин от метода Миллера. Изучение социальной, классовой природы произведений устной поэзии как важную проблему современной науки признавал и В. Ф. Миллер⁵⁷, но его исследовательский метод был скован особым вниманием к бытовой стороне эпоса.

Марков настаивал на развитии миллеровского метода, на переводе его из области узкого бытового анализа в область широких социологических

⁴⁹ См., например, заметку «К вопросу о прозвище Ильи Муромца» (ЭО, 1901, № 1), а также «Еще к вопросу о прозвище Ильи Муромца» (ЭО, 1904, № 3), «Еще об имени былинной Киевской княгини» («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1908, № 2) и др.

⁵⁰ Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

⁵¹ Там же.

⁵² А. В. Марков. К вопросу о методе исследования былин, стр. 36.

⁵³ А. В. Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 42, 43, 66, 70, 71 и др.

⁵⁴ А. В. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. 11, стр. 1—92.

⁵⁵ А. В. Марков. К вопросу о методе исследования былин, стр. 38.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. VI.

изучений. Молодой ученый призывал не останавливаться на полдороге. Он не понимал, что историческая школа не могла освободиться от этого недостатка, так как ее научный метод предполагал бытовое освещение истории именно как прищипки, позволяющий уходить от исследования идейной, народной основы эпоса.

Несмотря на неудовлетворенность методом исторической школы в его обычном широко распространенном применении, Марков не смог предложить коренного пересмотра метода Миллера. Молодой ученый лишь поставил вопрос о том, что необходимо уяснить социальную природу среды, создавшей бытны. Миллер считал творцами эпоса певцов, располагавших всеми достижениями профессиональной словесной культуры господствующих классов. Марков лишь предложил сословное деление этих певцов, оставив их в общих рамках той же классовой культуры. Будут ли это калки переходные — суровые защитники патриархальной старины, люди, близкие к церкви, странники, бродившие по святым местам, или скomorохи — люди веселые бесшабашные, жившие мирскими радостями и печальми, не видевшие греха в том, чтобы посмеяться над святым и неприкосновенным, — в обоих случаях Марков принимал за непреложный факт, что эпическое искусство любой сословно-социальной окраски искони не было массовым. И Миллер, и Марков исключали представление о народном коллективном происхождении эпического творчества. Обусловливалось это тем, что Марков вслед за своим учителем признал незыблемым тезис «творчество всегда носит личный характер»⁵⁸. Маркову пришлось сослаться на труд Д. Н. Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции», пронизанный буржуазно-индивидуалистическим пониманием истории культуры, когда надо было как-то объяснить факт недостаточного выражения индивидуального начала в сказке и песне. «Исследователю приходится производить тщательные микроскопические разыскания, чтобы устранить иллюзию, будто народное творчество однородно и коллективно»⁵⁹. Какова же степень этой индивидуальной работы, если она требует «тщательных микроскопических разысканий»? Но все-таки он нашел возможным заметить: «...Процесс усвоения и исполнения непременно должен носить характер коллективный»⁶⁰. Где кончается творчество и где начинается усвоение, где имеет место индивидуальная, а где — коллективная работа — об этом Марков ничего не говорит, но замечает: «Широкие художественные замыслы выполнимы только артелью, толпой, компанией — и притом лишь в присутствии целого общества. Не даром действие былин происходит так часто на пирах и братчинах. Эти и подобные собрания особенно близки сердцу певца, который всего более живет на народе и народом»⁶¹.

Марков сделал ряд и других оговорок, которые вели к опровержению теоретико-методологических оснований всей концепции Миллера, равно как и его собственных взглядов. И в этом нельзя не увидеть влияния живых прогрессивных традиций науки XIX в., глубоко раскрывшей природу коллективного творческого процесса в фольклоре. Марков говорил об устном творчестве: «Оно коллективно постольку, поскольку произведения варьируются при устной передаче. Оно коллективно еще и в том отношении, что каждое новое произведение находится в сильной зависимости от старых образцов»⁶². Эти суждения говорят о признании Марковым тради-

⁵⁸ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России. Харьков. 1909, стр. 6.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. 5.

ционности как проявления коллективного характера фольклора. Зависимость новых фольклорных произведений от «старых образцов» обнаруживается со всей очевидностью и в содержании, и в форме устного произведения. Марков, как опытный собиратель, не мог не знать этого⁶³.

После всех сделанных оговорок он, однако, утверждает: «...По существу же устные создания обязаны такому личному творчеству, как и произведения образованных художников»⁶⁴. На долю индивидуального творчества Марков отнес первоначальное создание фольклорных произведений: «...Песни, былины, сказки, пословицы создаются отдельными умами и талантами, обособившимися от народной массы и воспринявшими продукты чужого творчества, созданного раньше»⁶⁵. Этим личностям, которых можно назвать народной интеллигенцией, принадлежит созидательная роль в истории устного творчества»⁶⁶. «Народной интеллигенцией» Марков считал скоморохов и калик. Бесспорно, что в истории развития эпоса определенная роль принадлежит и скоморохам, и каликам. В работах последователей Миллера и, прежде всего, у него самого достаточно подробно говорится об участии профессиональных певцов средних веков в разработке эпических сюжетов. Следы индивидуального творчества очевидны. Нельзя целиком отрицать участие певцов-профессионалов в разработке фольклорных сюжетов, поэтики и прочих компонентов эпических произведений, но необходимо понять меру их влияния на фольклор.

Ни калики, ни скоморохи не были первыми слагателями эпических произведений, однако они могли предложить, как это и было в действительности, свои тенденциозные разработки эпических произведений — те варианты, которые находились в преемственной связи с народным массовым эпическим фольклором. Каличье и скоморошье искусство могло вносить в устное творчество и нечто свое. Именно подобные факты казались Миллеру и его ученикам подтверждением их общей концепции происхождения фольклора.

Миллер и его последователи упрощали сложную реальную картину исторического развития эпоса, представляя ее как прямую линию снижения культуры — перехода ее из круга образованных людей к людям неграмотным, крестьянам. При этом игнорировался тот непреложный факт, что само воздействие творчества профессионалов-мастеров средневековья на фольклор стало возможным потому, что массовое эпическое творчество было источником, которым широко пользовались они сами. Возвращение в народное лоно эпических сюжетов и, вероятно, обогащение их за счет индивидуально-творческих русских, а также иноземных влияний всегда шло с сопутствующей этому возврату «демократизацией» произведения.

Ошибка В. Ф. Миллера была то, что он брал лишь одно звено длинной цепи в истории развития эпического творчества и на основе этого одного звена строил свою теорию. Марков тоже рассматривал отдельное звено в истории эпоса, но в оставленных ученым бумагах есть замечательные по прозорительности мысли. В плане работ, намеченных к осуществлению, Марков записывает: «Русский народный эпос как отражение классовой борьбы до 15 [века] и кл[ассовых] интересов». Марков намеревался воспользоваться сделанными им ранее в исследовании «Бытовые черты русских былин» наблюдениями и замечаниями к былинам о Ставре, Иване-гостинном сыне, и предложить такой общий вывод:

⁶³ См. А. В. Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 1, 2.

⁶⁴ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгородца, стр. 5.

⁶⁵ Здесь новая оговорка, свидетельствующая о признании преемственности и в процессе сложения произведения фольклора.

⁶⁶ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгородца, стр. 5.

«I Эпос — укрепитель классовых интересов; II Эпос — революционный, защитник протеста»⁶⁷.

У Маркова встречаются и другие столь же важные записи; например, замечание о связи эпического творчества с древним «мифом». Этот период в развитии былинных сюжетов Марков назвал «сказочным» и усматривал его следы в различных былинах: о змееборцах — Добрыне, Алеше; о героях, рожденных от змея, например — Вольге; о состязании в отгадывании загадок — о Глебе Володьевиче. Чисто народную крестьянскую основу усматривал Марков в былинке об Илье и каликах, а также в былинке о Вольге и Микуле⁶⁸. Все эти замечания говорят о попытках Маркова выйти за пределы общей концепции, ограничивавшей сложение былины средой верхов древнерусского общества и хронологическими пределами писаной истории.

Все приведенные высказывания Маркова относятся к 1905—1907 гг. Из дальнейшего изложения станет ясным, что именно во влиянии революционных событий того времени надо видеть причину усиленных социологических исканий Маркова. Эти искания определили и отношение Маркова к новым работам его учителя.

4

В. Ф. Миллер в этот период, по существу, отошел от многих важных идей своих первых очерков по народной словесности. Он, так много сделавший для того, чтобы идея о новгородском происхождении эпоса была усвоена поколением молодых ученых, отходил от нее. Вот что рассказывает об этом Марков: «За самое последнее время (написано в марте 1908 г. — В. А.) на одном из заседаний Отдела (т. е. этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. — В. А.) В. Ф. сам решился умалять значение своих собственных выводов, отступал от Новгорода в пользу Москвы XVI века, но встретил с моей стороны, со стороны своего ученика, отповедь, может быть, даже несколько ожесточенную»⁶⁹.

Нам остается не известным конкретное содержание этой «отповеди», но о ней можно косвенно судить по печатным работам Маркова. В силу того, что мысль о преобладающем значении Новгорода для развития эпоса наиболее последовательно проведена в первом томе «Очерков» Миллера, статьи, собранные здесь, были самыми ценными для Маркова: «...Следует признать эту книгу по методу работы, по новизне выводов и по разносторонности затронутых и разрешенных вопросов наиболее ценным из всех трудов по русским былинам»⁷⁰. Вполне естественно, что такой оценки не мог быть удостоен второй том «Очерков», так как статьи 1898—1909 гг., включенные в него, развивали общую идею, противоречащую «новгородской» концепции первого тома. Марков писал: «...Направление работы над первыми очерками определялось наблюдением над географическим распространением былины и мыслью о новгородском очаге былинного творчества. Эта же мысль определяла и хронологию части былины. После 1897 года эта мысль не утратилась, но она вступила в борьбу с новой мыслью о сложении былины в течение XVI—XVII веков». «На эту тему, — продолжал Марков, — мне приходилось вести бесконечные дебаты с покойным моим учи-

⁶⁷ Архив А. В. Маркова, п. 7, № 4. Следует пометка: «прочитать в Историческом музее». По-видимому, Марков намеревался развить свою идею в публичном выступлении.

⁶⁸ Архив А. В. Маркова, п. 7, № 4.

⁶⁹ А. В. Марков. Художественное наследие Великого Новгорода (рукопись). Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

⁷⁰ А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности, стр. 30.

телем, при чем я иногда отстаивал точки зрения «Экскурсов» и I тома «Очерков», встречаясь с точками зрения II-го. В результате каждый из нас оставался при своем мнении»⁷¹.

Марков критикует Миллера за вольное сближение былинных имен и прозвищ с летописными именами, при котором остается вне анализа сюжет произведения. Такое сближение имен Миллер считал допустимым потому, что исходил из мысли, что былинам в том виде, в каком мы знаем их, предшествовали якобы некогда существовавшие исторические песни и предания, с которыми былины будто бы находились в преемственной связи, сохранив от них только имена.

«Мною, — писал Марков, — уже упомянуто о взгляде В. Ф. на исторические имена в былинах, как на остаток исчезнувших исторических преданий и несен. Раз имена эти не принадлежат сюжетам, в них заключающимся, то исследователю предоставляется право не считаться с сюжетом при определении лиц, когда-то носивших эти имена»⁷². Метод анализа, долженствующий привести к выводу о решающем значении XVI—XVII столетий для истории былин и исторических песен, сам был основан на этой мысли.

Последние статьи В. Ф. Миллера, писанные в 1909—1913 гг., впоследствии составившие третий том «Очерков», были оценены Марковым с той же позиции осуждения общей концепции о преобладающем значении XVI и XVII вв. в истории эпоса. Марков отстаивает свой взгляд на роль Новгорода. Он снова критикует работы Миллера за те же «рискованные сближения» имен былинных героев с именами исторических лиц, усматривает ту же связь этой осуждаемой им методологии с новой концепцией своего учителя: «...Натянутые сопоставления, несомненно, связаны с априорной идеей о значении XVI века в истории сложения былин»⁷³. Понятна причина, по которой Марков выделил из числа последних работ Миллера статьи «К крестьянству Микулы Селяниновича» и «К былинам о Соломане и Василии Окуловиче». «Эти работы, — писал Марков, — по проводимым в них взглядам, а первая по предмету, примыкают непосредственно к первому тому «Очерков», к выраженной здесь мысли о значении культурной деятельности Новгорода для истории русского былевого творчества»⁷⁴.

Об упорном отстаивании В. Ф. Миллером своей новой концепции в последних работах по эпосу свидетельствуют и его письма к Маркову. Вот одно из таких писем (от 7 февраля 1912 г.): «Дорогой Алексей Владимирович! Наша переписка, чему очень рад, переходит в научное обсуждение разных вопросов по фольклору. Благодарю Вас за это, так как Ваши мнения принимаю в соображение и, не страдая ученым упорством, всегда готов воспользоваться чужими указаниями, если считаю их приемлемыми». Дальше в письме идет разбор былин об Илье Муромце. «Самым ранним сюжетом, прикрепившимся к имени Ильи М., считаю, как и Вы, первую поездку, хотя не отнес бы его к киевскому периоду и к суздальскому. Большая часть других сюжетов сложилась, конечно, в XVI в., а некоторые (Илья и Святогор, Три поездки) в XVII. Впрочем, в этих вопросах я еще не разобрался, почти так же, как в той уйме возражений, которые Вы высыпали на меня в Вашем письме. Все они требуют обстоятельной проверки, для которой у меня теперь нет времени. Но во всяком случае я воспользуюсь ими, когда в новой работе дойду до пересмотра своих прежних

⁷¹ А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности. стр. 48.

⁷² Там же. стр. 36.

⁷³ Там же. стр. 50—51.

⁷⁴ Там же. стр. 60—61.

работ. Допускаю, даже уверен, что я ошибаюсь в частностях, но Вы до сих пор не поколебали моего убеждения, что XVI в. был таким периодом в эволюции эпоса, когда подбирались крохи, оставшиеся от киевского и суздальского периодов, и былины отчасти реставрировались согласно общему духу и направлению этого века...»⁷⁵. Марков, защищая прежние взгляды учителя, считал важным подчеркнуть, что мысль о значении Новгорода для истории эпоса была высказана раньше трудов Миллера: «Впервые мысль о новгородском происхождении многих былин так называемого «киевского цикла», — писал Марков, — была высказана Белинским». Марков имел в виду важнейший тезис В. Г. Белинского, развитый в статьях о сборнике Кирилы Данилова и других собраниях русского фольклора. Ученый напомнил об аргументации Белинского в пользу новгородского характера былин: «Свою мысль, проявление гениальной интуиции отца русской критики, Белинский мотивирует общим взглядом на Великий Новгород, как «на источник русской народности, откуда вышел весь быт русской жизни»⁷⁶. Действительно, Белинский считал Новгород «прототипом русской цивилизации и вообще форм общественной и семейной жизни древней Руси»⁷⁷ и ставил новгородские былины на первое место среди прочих произведений русского эпоса.

Марков взял мысли Белинского за отправную точку своих научных размышлений. Нельзя сказать, что он всесторонне истолковал смысл суждений Белинского. Характерно, например, что Марков не увидел различия идеи новгородского характера эпоса в трудах В. Ф. Миллера и в статьях Белинского. Он пишет о преемственной связи взглядов Миллера с воззрениями Белинского. По словам Маркова, «новгородская» идея Белинского была усвоена и проведена «с большой основательностью» в «Очерках» Миллера⁷⁸. Однако склонность Миллера к бытовому исследованию былин по своему существу была, как уже говорилось выше, как раз формой отхода от демократического истолкования эпоса.

Марков выдвигал «новгородскую» концепцию в противовес не только В. Ф. Миллеру, но и тем ученым, которые со времени появления первого тома «Очерков» и статей, его составивших, высказались против истолкования эпоса в духе традиции науки 40—60-х годов. «Некоторые ученые (зачеркнуто: «критики». — В. А.), — писал Марков, — пытались в свое время подорвать идею, животорящие книгу проф. Миллера — между прочим — и новгородскую идею Белинского⁷⁹. Но все эти попытки были плоски и бездоказательны»⁸⁰. Желая сохранить традицию демократического истолкования эпоса, Марков защищает идею новгородского характера эпоса, восприняв у Белинского не только конкретные суждения о влиянии новгородской жизни на переработку киевского эпоса, но и общий прогрессивный смысл этих суждений.

⁷⁵ Архив А. В. Маркова, п. 4, № 153.

⁷⁶ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода, стр. 2.

⁷⁷ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 401.

⁷⁸ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода, стр. 2.

⁷⁹ А. В. Марков имеет в виду рецензию проф. А. С. Архангельского на первый том «Очерков русской народной словесности» («Изв. ОРЯС», т. III, кн. 3, стр. 905—923). Рецензент писал: «Весьма сомнительными во многих случаях кажутся нам выводы исследователя о принадлежности того или другого былинного типа именно Новгороду, о происхождении тех или других дошедших до нас былин именно новгородской культурной области, — а не какой-либо другой, например, киевской или позднейшей московской» (стр. 909). Оспаривал новгородское происхождение былин о Вольге Святославиче и П. И. Коробка в работе «Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче» («Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. I, стр. 292—328).

⁸⁰ Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

5

Политическая основа спора Маркова с Миллером со всей ясностью обнаруживается не в академически сдержанных исследованиях, а в публичной лекции «Художественное наследие Великого Новгорода», прочитанной А. В. Марковым в аудитории Исторического музея в апреле 1908 г. Лекция превратилась в общественное выступление. Ученый смело коснулся пагубного влияния русского самодержавия на судьбы культуры, говорил о системе угнетения народа, об отсутствии гласности и гражданских прав.

Марков выдвинул ряд тесно связанных между собой аргументов в защиту идеи новгородского происхождения былин. Он говорил: «Ввиду неоднократно высказывавшейся мысли о том, что былины киевского цикла, если не созданы, то во всяком случае подверглись сильнейшей переделке в эпоху московского царства, в XVI и XVII в., — я считаю необходимым подробно выяснить свой взгляд на культурную и художественную роль Новгорода и Москвы». Мы увидим далее, что речь идет не столько об их «культурной и художественной роли», сколько о различии их социально-политического и общественного уклада, влиявшего на историю эпоса. «В зависимости от понимания преемственности этих двух эпох в русской истории, — продолжал Марков, говоря о новгородском и московском периодах истории, — придется и былинное творчество поставить в связь с той или другой, или же, по крайней мере, указать на степень участия обеих эпох в процессе изменения и переработки старого эпического наследия»⁸¹.

По мысли Маркова, Новгород предоставил эпическому искусству более благоприятные условия развития, чем Москва.

Картины московской жизни, воссозданные Марковым, далеки от исторической правды⁸². Москва XVI—XVII вв. переживала в высшей степени важный этап своей истории. Шел процесс прочного экономического объединения страны. Возникла могучая государственность. Начавшееся сложение нации привело к всестороннему прогрессу во всех областях общественной жизни, в частности в искусстве. Но для Маркова критика Москвы была по существу критикой самодержавия. Нам сейчас важно понять не только эту легко опровергаемую ошибочность его суждений, но и то, как в этих оценках выразилось отношение ученого к современности.

Громко прозвучал голос Маркова — обличителя современных порядков, когда он прямо говорил о причинах, заставивших его обратиться к прошлому своей родины. Все эти «либеральные» места его лекции остались ненапечатанными и ниже они приведены по рукописи. «В те эпохи, когда живется трудно, человек любит мечтать об отдаленном прекрасном будущем; но когда и впереди — одна беспросветная мгла, тогда остается одно — воспоминание об отрадных днях прошлого. Несколько лет тому назад (т. е. в 1905 г. — В. А.) многие готовы были поставить могильный крест над похороненной навсегда старинной; лучезарное солнце, казалось, загоралось над нашей страной и своими лучами пронизывало тьму будущего... Новая Россия, едва народившись, ушла вновь, пропала «в темной дали», и, стоя на развалинах кратковременной эпохи, мы можем с горечью повторить слова Пушкина: «Одних уж нет, а те далече»».

Марков говорил, что его современники стоят перед нерешенными вопросами, которые волновали и Пушкина, обратившего для ответа на них взгляд «в историю родной страны». Он отмечал интерес Пушкина к народным разбойничьим песням, преданиям о Разине и Пугачеве, то, что поэт «первый открыл Дубровского в русском дворянстве»⁸³. И вот вы-

⁸¹ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода, стр. 3.

⁸² Там же, стр. 3—4.

⁸³ Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

вод, объясняющий причину обращения Маркова к истории искусства далекого времени: «Перед нами — вопрос об искусстве. Но искусство так тесно связано с жизнью, так непосредственно из нее вытекает, что история древнерусского искусства дает материал для понимания прошлого и для предугадывания будущего»⁸⁴. К изучению Новгорода и Москвы Маркова влекло живое сочувствие современной социальной борьбе, желание знать будущее страны, а о том, с каким волнением переживал Марков события 1905 г. свидетельствует его переписка с друзьями и другие документы этого времени. В марте 1905 г. Марков писал А. Л. Маслоу о том, что последние события захватили все его внимание⁸⁵. Еще раньше, в феврале того же года Марков, бывший преподавателем Строгановского художественно-промышленного училища, сам написал, по нашему предположению, проект декларации, которая должна была идти от имени учеников и учениц училища, с характеристикой «культурного и экономического состояния народных масс», «русских сил, подавленных, угнетенных или обреченных на бездействие старыми, отжитыми формами жизни». В этом документе изложено требование свободного управления на началах самой широкой демократии⁸⁶.

Марков в своих исследованиях всегда оставался защитником прогресса. Желая отстоять народность эпоса, он оценивал общественные условия Москвы XVI—XVII вв. как якобы положившие препятствия прогрессу в художественной области (при этом ученый без всякого основания отождествил судьбы народного искусства и политическую жизнь социальных верхов). Самодержавие, указывал он, преследовало всякие проявления свободной мысли. К осуждаемым формам государственного правления ученый присоединил невежество, фанатизм, религиозную нетерпимость духовенства.

В силу такого отношения к Москве XVI—XVII вв. Марков дал столь же суровую оценку устных произведений того времени. О некоторых песнях «эпохи Смуты» Марков отозвался как о произведениях, «созданных под правительственным влиянием». Он имел в виду песни о Гришке-расстриге, о Филарете. «Отсутствие поэтического замысла, грубая тенденциозность, — характеризовал их Марков, — извращение внутреннего смысла фактов, жалкое морализирование, рассудочное ханжество и приказной прозаический стиль сквозят в каждой фразе этих казенных произведений»; и далее: «Подобных произведений можно много набрать среди московских исторических песен. Это не произведения искусства, а правительственные грамоты и приказные протоколы, изложенные стихами, не всегда гладкими»⁸⁷.

Между тем, по словам Маркова, в Новгороде человеческая личность уже достигла «известной степени выработки»⁸⁸. «Характерное отличие новгородских слагателей былины, — писал он, — гражданское мужество и местный патриотизм»⁸⁹. Новгородские певцы XII века не боялись воспеть

⁸⁴ Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

⁸⁵ Письмо А. Л. Маслоу от 17 марта 1905 г. Архив А. В. Маркова, п. 4, № 179.

⁸⁶ Там же, п. 5, № 14.

⁸⁷ Там же, п. 2, № 7. Приведенный отрывок извлечен из пятой тетради, озаглавленной «Либеральные и лишние части Худож[ественного] наследия Новгорода». Речь идет о первом отделении лекции, прочитанной Марковым в Историческом музее в апреле 1908 г.

⁸⁸ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода, стр. 4.

⁸⁹ У А. В. Маркова в этом месте дано следующее характерное подстрочное примечание: «Чем они выгодно отличались от современных нам чижей, которые лгут, и от дятлов-любителей истявы». Ассоциация с образами обличительного памфлета А. М. Горького вполне естественна для Маркова, вносившего в исторические оценки свое отношение к современности.

своего сотского Ставра, посаженного в тюрьму киевским князем. Новгородские певцы в число святорусских богатырей XV в. не побоялись включить своего тысяцкого и потом посадника Василия Александровича Казимира, посаженного в тюрьму московским князем». Среди заметок об историко-песенном фольклоре Новгорода мы находим у Маркова следующую: «Новгород. Песня протестовала против неправды буржуазного общества. Следовательно, не умирало стремление к новым, улучшенным формам жизни»⁹⁰.

Идеализируя Новгород, Марков усматривает в его искусстве дух свободы мысли и независимости. «Торжеством художественного творчества является изображение людей, принимающих участие в великом прогрессивном движении человечества, служащих носителями мировых идей»⁹¹. Все это вело ученого к выводу о том, что выдающиеся творческие личности эпохи старорусской вечевой жизни Новгорода создали наряду с великим искусством архитектуры, живописи «и русский народный эпос». «Носители свободного искусства» — скоморохи в условиях гонения XVII в. разбрелись по окраинам. Крестьяне на Севере «сберегли для нас русский национальный эпос»⁹².

Следуя за идеей, получившей популярность в среде либеральной интеллигенции тех лет, о значении психологического индивидуализма в развитии мирового искусства, Марков не уяснил себе того, что творческая личность опирается прямо или косвенно в своем труде на общественный опыт своих современников, что социально-исторический и житейски-бытовой опыт народных масс во всех случаях составляет основу творчества индивидуума. Ученый не принимал во внимание, что самая возможность всякого жизненного, в том числе и художественного творчества существует при любых обстоятельствах и реализуется не только в формах индивидуальной деятельности отдельных личностей, но и в формах коллективного совместного творчества, когда сыновья и внуки продолжают и завершают работу отцов и дедов.

Марков слишком прямолинейно связал судьбы искусства с формами государственного управления, государственной религии и церкви; между тем, существовало ведь народное искусство, находящееся в классовом антагонизме с интересами социальных верхов. Но достойна уважения его попытка показать губительное влияние тяжелых социально-политических условий на общественную жизнь и искусство в древней Руси и в современности.

* * *

А. В. Марков в своих удачах и ошибках предстает перед нами как ученый, ищущий выхода из круга идей внешнего историко-бытового осмысления эпоса. Исследователю не удалось преодолеть полностью ограниченность такого изучения былин.

Вместе с тем необходимо по достоинству оценить стремление А. В. Маркова противопоставить концепции позднего московского оформления былин идею о раннем формировании эпоса в пределах Новгородской земли. Такое противопоставление было для Маркова субъективной формой защиты демократических начал эпоса.

Обозрев аргументацию А. В. Маркова в пользу новгородского очага былинного творчества, нетрудно заметить, что она отражает настроения и мысли ученого, глубоко взволнованного событиями предреволюционных и революционных лет. На новгородской концепции Маркова лежит печать

⁹⁰ Архив А. В. Маркова, п. 2, № 7.

⁹¹ А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода, стр. 4.

⁹² Там же, стр. 4, 5.

стремлений русского общества покончить с остатками феодально-крепостнического строя. Феодальная же сущность общественных отношений в Новгороде исследователем не была понята; он видел в общественном строе Новгорода лишь элементы «народоправия» и демократических свобод. В этом он следовал установившимся традициям прогрессивной русской мысли (декабристам, Белинскому и др.).

В критике Москвы XVI—XVII вв. Марков допускал антиисторические оценки, и его аргументация в свою очередь нуждается в серьезной критике, но ошибки молодого ученого не делают правым и В. Ф. Миллера. В условиях отказа либеральной интеллигенции от идей демократизма после 1905 г. Марков был одним из немногих ученых, хранивших или желавших сохранить верность идеям Белинского.

Марков был прав, когда предлагал соединять изучение «идейной стороны» эпоса с исследованием реальной исторической основы былин на широком фоне социально-классовых отношений на Руси в древности. Такой подход является верным методологическим условием изучения эпоса, залогом правильного исторического осмысления былинной поэзии.

Бесспорно важно значение новгородского творчества в истории русского эпоса, который сохранился на Севере, связанном с древней Новгородской землей. В тех исторических обстоятельствах, в которых оказался Великий Новгород после гибели Киевского государства, он наряду с Ростово-Суздальской землей стал прямым наследником культуры и фольклора Киевской Руси. Московская Русь установила преемственную связь своего эпического творчества преимущественно через новгородские и ростово-суздальские «редакции» былин, хотя не исключено восприятие эпоса и через другие области.

Бесспорной кажется и мысль Маркова о раннем периоде оформления былин, причем их восстановление возможно на основе записей XIX—XX вв. Сохранение былин со столь давнего времени, действительно, способствовала их традиционная устойчивость, основанная на массовых коллективно-творческих началах процесса создания и сохранения эпоса в народной среде.
